

В. Переплетчиновъ

Церковь св. Иоанна Златоуста
въ селеніи Нандаланша

ЗА СѢВЕРНЫМЪ ПОЛЯРНЫМЪ КРУГОМЪ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

(Изъ записной тетради)

1903 г. Июль. Кандалакша, Кемскаго у. Архангельской г.

Живу въ Кандалакшѣ. Природа угрюмая и грустная. Народъ съ небольшой разницей—все тотъ же русскій народъ: то же пьянство, та же ругань, то же невѣжество.

Климатъ тутъ, должно быть, очень скверный: постоянно вѣтры, дожди. Теплыхъ дней всего два мѣсяца въ году. Въ огородахъ растетъ только рѣпа, жители питаются лѣтомъ

рыбой, зимой олениной. Ржи и овса тутъ не сѣютъ, — слишкомъ холодно.

Интеллигенція: священникъ, учительница и почтовый чиновникъ Порочкинъ — очень любезный человекъ: припаялъ мнѣ гайку къ мольберту. И, подумаешь: въ этой глуши живутъ люди!

Съ утра въ море уходятъ карбаса *) — ѣдутъ ловить рыбу. Ловится преимущественно сельдь, кумжа, треска. Весной бываетъ иногда такой уловъ сельдей, что обезпечены подати, пропитаніе и всѣ житейскіе расходы. Въ эту весну уловъ былъ плохой. Народъ жалуется, что рыбы съ каждымъ годомъ все меньше и меньше: „Старикки сказываютъ, — куда прежде рыбы болѣе было“.

Въ селеніи винная лавка. Торгуетъ въ годъ тысячъ на 10, 12. Кромѣ мѣстныхъ жителей пьютъ еще и лопари, „лошь“.

Пишу этудь. Вокругъ зрители. Разговариваю съ писаремъ. Писарь получаетъ въ волостномъ правленіи „Архангельскія Губернскія Вѣдомости“.

— Что папа умеръ?

— Померъ.

— А матерой **) былъ папа? — спрашиваетъ близстоящій поморъ.

— Матерой.

Молчаніе. По улицѣ идутъ пьяные.

— Спиши насъ, пьяныхъ-то.

— Трифонъ, а Трифонъ, гдѣ Иванъ?

— Пьяный дома лежитъ.

— А ты куда идешь?

— Опохмеляться!

Пьютъ содержатели почтовой станціи.

„Отецъ пилъ, говорятъ обыватели, да съ головой былъ, такъ и нажилъ, а эти такъ все спускаютъ. — Все пропили.“

*) Карбасъ — большая морская лодка.

**) Старый.

Хлѣбъ послѣ отца остался — пропили, олени шкуры остались — пропили. Одинъ до бѣлой горячки допилъ. Теперь въ Архангельскѣ уѣхали — тамъ пьютъ“.

— Отчего же они пьютъ?

— Да такъ въ роду ужь. Отецъ пилъ и они.

— Да, пьютъ рабочіе, — говоритъ Русановскій приказчикъ, — чашку выпьетъ, другую, третью, все чашками. Спиртъ въ 90% пьютъ и ничего.

Полночь, освѣщенная низкимъ солнцемъ. Всѣ спятъ, на улицѣ ни души. Передъ избой въ черной бархатной грязи ничкомъ, лицомъ внизъ, валяются два пьяныхъ; у одного съвозъ розовую разорванную рубашку видно, бѣлое, какъ слоновая кость, тѣло. Какой-то странный клубокъ бѣгаетъ около тѣлъ, свиститъ жалобно и злобно — это полярная мышь. Слышно, какъ хохочутъ чайки на морѣ. Кричатъ то близко, то далеко.

У избы стоитъ огромный крестъ, выкрашенный въ зловѣщую красную краску.

Такіе огромные кресты были только на Голгоѣѣ.

Вотъ Россія — христіанское государство, а народъ спивается, должно быть, тоже „христіанскимъ“ образомъ... Сжигается и холодѣетъ сердце: сколько лѣтъ ѣзжу по Россіи, а всюду одна и та же картина, освѣщенная то полуденнымъ, то полуночнымъ солнцемъ. Картина пьянства, темноты и ужаса жизни.

2 июля

Шумитъ рѣка Нива, бѣжитъ по камнямъ, по порогамъ, шумъ наполняетъ все селеніе. Во время отлива шумъ сильнѣе. Рѣка синяя съ бѣлой пѣной, кругомъ горы. По рѣкѣ, прыгая, ныряя несутся бревна, — это въ верховьяхъ рубятъ лѣса...

— Мы губяне, не поморы. Поморы тѣ по морю живутъ, а мы въ губѣ живемъ и потому въ Архангельскѣ насъ называютъ губянами, — говоритъ мнѣ одинъ здѣшній житель.

— Что же, на Мурманъ промышлять ходите?

— Нѣ, раньше ходили, почитай, всѣ ходили, даже бабы нѣкоторыя, а теперь промыслы худые пошли на Мурманѣ, года три ужъ не ходимъ.

— А что, — много тонуть на промыслахъ?

— Нѣ, мы, губяне, народъ осторожный. Вотъ поморы — тѣ отчаянные, тѣ шибко тонуть. Прямо съ Онеги на шнякахъ, такъ на Мурманѣ и идутъ поперекъ моря и ничего — Богъ хранить.

3 июля

Хозяинъ дома, гдѣ я стою, Сергѣй Давыдычъ Нѣмчиновъ, церковный староста — мужикъ себѣ на умѣ. Онъ недавно ходилъ съ попомъ за 100 верстъ „принимать“ лопарскую часовню Бабинскаго погоста.

— Ну, что, какъ сходили, Сергѣй Давыдычъ?

— Ницего, приняли, все слава Богу. Только пришлось 40 верстъ пѣшкомъ итти, вмѣсто того, чтобы карбасами плыть.

— Отчего?

— Да вотъ эти пьяницы Подурниковы *), что почту держать, ничего у нихъ тамъ нѣтъ, ни карбасовъ, ни рабочихъ. И жалобы писали и все такое, — ницего не помогаетъ. Всѣ жалобныя книги вдоль и поперекъ жалобами исписаны, а начальство не обращаетъ, стало быть, вниманія... Ницего, часовня хорошая, только кумпола нѣтъ. Кумполь тутъ, въ Кандалакшѣ, сдѣлаютъ, зимой отвезутъ.

4 июля

Идетъ дождь. Работать нельзя.

Положительно у всѣхъ жителей Кандалакши манія снимать съ себя фотографіи. Пришли „барышни“, дочери Бѣляевского приказчика, „желаютъ сняться“. Молодой чело-

*) Теперь, какъ я слышалъ, Подурниковы въ Кандалакшѣ больше не держать почтовой станціи, ихъ смѣнили.

вѣкъ, поморь, „очень хочеть посмотрѣть на себя, каковъ онъ есть“.

— Да вы посмотрите въ зеркало на себя, ну и узнаете, каковъ вы есть.

— Нѣтъ, на карточкѣ виднѣе!

Волостной писарь тоже желалъ бы сняться, — „очень было бы пріятно получить снимочекъ“.

Одинъ мой хозяинъ на предложеніе снять его отвѣтилъ:

— Грѣхъ, Василій Васильевичъ.

— Почему грѣхъ? Вѣдь есть же изображенія Христа, царскіе портреты, какой же тутъ грѣхъ? Ты спроси священника.

— Да что! Священникъ-то у насъ молодой, чего онъ понимаетъ.

5 июля

Дождь пересталъ. Сыро, сѣро. Когда я увѣзжалъ изъ Архангельска, тамъ только что разыгралась обычная въ нынѣшнее время исторія. На пароходѣ изъ Норвегіи студентъ привезъ бочку селедокъ. Бочка эта на пристани развалилась, и вмѣсто селедокъ, оттуда посыпались какія-то бумаги.

Таможенный солдатъ полюбопытствовалъ взглянуть, что это за бумаги. Взглянулъ — прокламаціи. Студента, конечно, арестовали, но кромѣ него оказались замѣшанными въ это дѣло два лица изъ хора, который пѣлъ въ одномъ изъ Архангельскихъ ресторановъ. Хористы, конечно, тоже были арестованы, а весь хоръ въ 24 часа высланъ изъ Архангельска. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ эту исторію архангельскій обыватель, ѣхавшій со мной вмѣстѣ на пароходѣ.

Что это за хоры, я знаю... пришлось слышать въ одной изъ гостиницъ въ Архангельскѣ. Что за голоса! Что за куплеты! Въ самыхъ рискованныхъ мѣстахъ лакеи скалятъ зубы, перемигиваются и испускають легкое ржанье отъ удо-

вольствія. Публика тоже довольна этимъ перцемъ. Словомъ, „цивилизация“.

И въ подобномъ хорѣ политическія идеи. Чудны дѣла твои, Господи! У студента, будто бы, нашли письмо одного изъ хористовъ, въ письмѣ сказано: Привозите „масла“, тутъ все „готово“.

Не даромъ въ „Губернскихъ Архангельскихъ Вѣдомостяхъ“ былъ анонсъ отъ одной изъ гостиницъ, что ѣдетъ новый хоръ, и не въ продолжительномъ времени запоетъ еще лучше прежняго.

Когда я пишу свои записки, мою кисти, przygotowляюсь итти работать, читаю, въ сосѣднихъ комнатахъ у хозяевъ идетъ несмолкаемый разговоръ.

Заходятъ лопари, конечно, пьяные, идутъ денежные счета съ хозяиномъ. Въ сосѣдней комнатѣ помѣстился какой-то постоялецъ, тихій человекъ: онъ по цѣлымъ днямъ набираетъ папиросы, долго и съ удовольствіемъ пьетъ чай; у меня въ комнатѣ слышно, какъ онъ откусываетъ сахаръ. Иногда читаетъ старую газету.

Хозяинъ мой чаю не пьетъ.

— Что же ты, не пьешь чаю, Сергѣй Давыдычъ?

— Да ужъ два года не пью, Василій Васильевичъ, вреденъ онъ мнѣ, какая-то въ грудяхъ у мене болѣсь случилась, такъ съ тѣхъ поръ и не пью. Не на пользу онъ мнѣ.

8 июля

Противный климатъ. Сегодня весь день болѣли зубы. Не работалъ. Пошелъ на берегъ.

Поистинѣ окраина Россіи.—Мѣстные крестьяне, кто по-смышленнѣе, то-есть кто еще не совсѣмъ одурманенъ водкой, обставляютъ лопарей: поятъ ихъ водкой, а потомъ обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ, словомъ, надуваютъ, гдѣ только можно.

Край здѣсь не бѣдный, и могъ бы быть богатѣе, но живутъ кое-какъ, неряшливо, а, главное, пьяно. Поѣдетъ

крестьянинъ ловить рыбу, другой разъ наловить рублей на 20—30, деньги пришли сразу, легко, ну и пьеть.

10 июля

Сегодня днемъ была тихая ласковая погода, проглядывало солнце. Потомъ стало хмуриться, побѣжали туманы „Туманъ наваливать“ (туть не говорятъ „наваливаетъ“),—сказалъ мужикъ. Къ 6-ти часамъ пошелъ дождь. Не работаль, бродилъ по горамъ, снялъ нѣсколько фотографій, глядѣлъ, какъ дѣвушки и парни играютъ въ мячъ. Мячъ туть кожаный. Наподдаютъ его палкой, игра—въ родѣ нашей лапты.

Очень ярко одѣваются женщины на сѣверѣ, издали цѣлая палитра красокъ; синихъ, зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, среди сѣрыхъ горъ и блѣдной природы—очень красиво.

Пошелъ сильный дождь, улица опустѣла, дождь разогналъ всѣхъ по домамъ. У хозяевъ гости, то-есть такъ, кой-кто зашелъ посидѣть, идетъ несмолкаемый разговоръ.

Туть у всѣхъ болятъ зубы, масса народу приходитъ и просить у меня лѣкарства. Доктора туть нѣтъ да и, кажется, и не полагается.

Ко мнѣ каждый день являются все новыя и новыя посѣтители: одни хотять снять съ себя фотографіи, другіе—лѣчить зубы. Я окончательно сдѣлался зубнымъ врачомъ.

Вчера явился молодой человекъ, желающій продать жемчугъ. Жемчугъ ловятъ туть по небольшимъ рѣчкамъ, но его здѣсь немного, и онъ, кажется, не очень хорошаго достоинства.

Пришли съ озеръ лопари. Церквей на озерахъ нѣтъ, а потому принесли крестить ребенка въ селеніе. Ребенку полгода, онъ прочно укрѣпленъ въ маленькой люлькѣ, на подобіе лодки. Чтобы ребенокъ не мѣшалъ, его иногда въ этой лодкѣ вѣшаютъ на стѣну,—зовутъ меня въ крестные отцы.

Вечеромъ ребенокъ ораль благимъ матомъ на всю улицу,—лопарка отдала его бабѣ „подержать“, а сама скрылась и немедленно напилась.

— Вотъ мать-то наканунѣ крестинѣ валяется пьяная на улицѣ, а ребенокъ оретъ, такъ что въ Архангельскѣ слышно. „Что я буду съ нимъ дѣлать?“ жаловалась мнѣ баба.

13 июля

— Ты, Порасья, одинъ глазъ запри, а другой отвори и гляди. Видишь?.. А, Василій Васильевичъ! Братъ ты мой, ну премудрость. Обѣими глазами глядишь, хорошо, все какъ есть, а однимъ въ кулакъ, такъ настоящее, живое. Да ты, дура, кулакъ къ глазу приставила и оба глаза заперла, такъ что же ты увидишь? Ты, вотъ-эдакъ смотри... Ну что? Одинъ глазъ заперла? Ну что, живо? А?

Сергѣй Давыдычъ Нѣмчиновъ, у котораго я квартирую въ Кандалакшѣ, привелъ смотрѣть мои картины своихъ двухъ дочерей. Одна дѣвица, другая замужняя. Дѣвица держитъ себя просто, другая конфузится, слегка жеманится и манерничаетъ.

— Да, братъ мой, Василій Васильевичъ, до цего нынѣ, подумаешь, народъ дошелъ, до такихъ премудростей, что Боже мой. Ай! ай!..

Сергѣй Давыдычъ каждый день заходитъ ко мнѣ въ комнату посмотреть, что я написалъ. И каждый разъ дивится. Онъ понимаетъ, что изображено на картинѣ, только „широкая живопись“ его смущаетъ.

— Что же послѣ отдѣлывать будешь?.. Ты вотъ, Василій Васильевичъ, братъ мой, чаю (чаю) мало пьешь, а вотъ инженеръ у меня стоялъ, такъ насдотъ чаю здорово работалъ. Бывало, какъ прищемится къ самовару, такъ и сидитъ, а ты чтой-то мало его пьешь? Да и къ водкѣ ты не касаешься.

Сергѣй Давыдычъ, человекъ торговый, ведетъ дѣло больше съ лопарями, вина не пьетъ. Осталась одна только дочь не замужемъ, остальные двѣ выданы; сыновей нѣтъ—померли.

— Позапрошлое лѣто дочь у меня горломъ померла. Четыре года жила. Шибко у насъ маленькіе тогда горломъ

помирали, большіе не такъ чтобъ оченно. Вотъ въ Княжей Губѣ и большіе шибко мерли.

— Что жъ, докторъ пріѣзжалъ?

— Нѣтъ, не пріѣзжалъ, да и фершалъ, почитай, что тоже не пріѣзжалъ, — къ намъ они рѣдко ѣздятъ.

— Ну, а такъ у васъ народъ болѣетъ?

— Нѣтъ, такъ, слава Богу, не слышать, всѣ здоровы. Зубами иногда жалятся, а такъ нѣтъ, не болѣютъ.

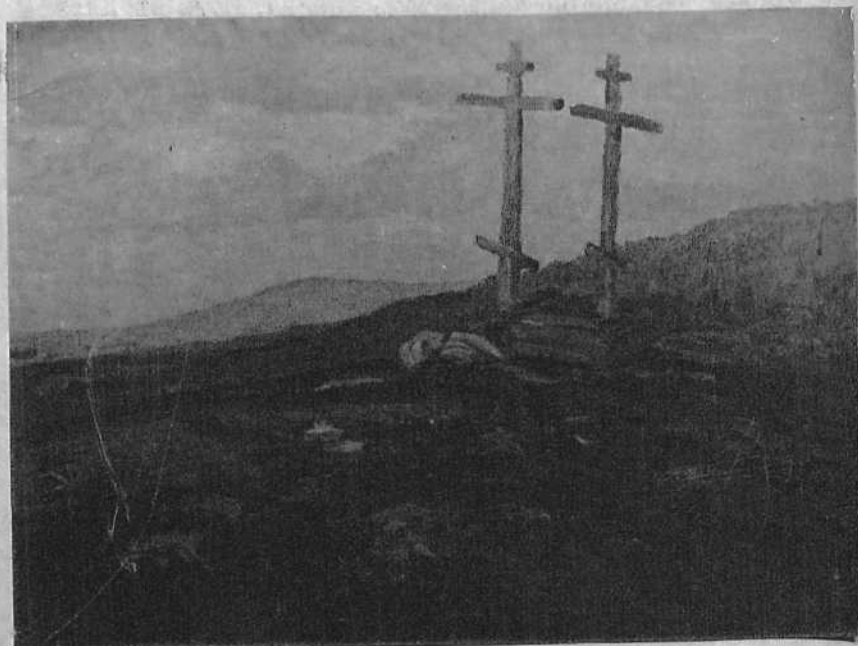
15 іюля

Мертвенно свѣтлая ночь. Пишу въ лѣсу этюдъ, мимо проходитъ человѣкъ, у него на спинѣ родъ стула, только безъ ножекъ; на стулѣ мѣшки. Онъ не глядитъ по сторонамъ, только походка его стала осторожнѣе и тише, когда онъ замѣтилъ меня. На нѣкоторомъ разстояніи идетъ другой такой же, потомъ третій. Странные таинственные люди идутъ изъ лѣсовъ въ селеніе! Это лопари. Они идутъ за хлѣбомъ и водкой.

По всему лѣсу въ горахъ таинственный шорохъ и свистъ. Это бѣгутъ полярныя мыши. Недалеко отъ меня, видимо, по моему адресу, злобно свиститъ звѣрокъ, кладу палитру, подхожу, наклоняюсь къ нему, онъ вскакиваетъ на заднія лапы и старается укусить меня за сапогъ — это полярная мышь. Звѣрокъ маленькій, злой, жалкій и таинственный, такой же таинственный, какъ тѣ люди, которые только что прошли мимо меня; такой же таинственный, какъ сѣрые камни въ лѣсу. Странно, загадочно и таинственно хохочутъ чайки на морѣ. Надъ всѣмъ этимъ желтое, мертвенное небо, тоже таинственное.

Въ этой обстановкѣ я самъ себѣ становлюсь страннымъ, загадочнымъ, чужимъ, и кажется мнѣ, что это не я, а кто-то другой стоитъ въ лѣсу.

Эта странная, ночная, мертвенно-свѣтлая природа все впитываетъ въ себя. Лѣсъ, мыши, лопари, камни и я, — все подчинено жуткой и таинственной власти — власти страшныхъ, беспощадныхъ ритмовъ, тѣхъ ритмовъ, которые созда-

В. Переплетчиновъ

Поморскіе кресты
(Селеніе Нандаланша)

вали въ старину заговоры и заклинанія, создавали таинственныя сочетанія словъ и звуковъ. А шорохъ и свистъ все явственнѣй и явственнѣй, множество маленькихъ темныхъ мышинныхъ спинъ мелькаютъ среди сѣрыхъ камней, и свистъ сливается въ странную музыку. Мыши эти появились тутъ недавно, и съ каждымъ днемъ ихъ становится все больше и больше.

Онѣ не похожи на нашихъ обыкновенныхъ полевыхъ, а какія-то рыжеватая, съ темными спинками, величиной съ кролика. Идутъ мыши сотнями тысячъ съ Мурмана, переплываютъ морскіе заливы, озера; гибнутъ массажи; ихъ душатъ кошки, грызутъ собаки, бьютъ палками и камнями

деревенскіе мальчишки, но онѣ идутъ, идутъ, идутъ: какая-то сила гонитъ ихъ на югъ.

Говорятъ, лѣтъ 25 тому назадъ было то же самое.

„Къ крови идутъ. Война будетъ. И въ тѣ поры къ войнѣ шли“, говорятъ старики.

— Да, вѣдь, онѣ траву ѣдятъ, корни, какая же кровь?— спрашиваю я.

— Такъ старыя старики сказывали.

Объясненіе мистическое и поэтическое *). И теперь ночью мнѣ кажется, что это правда: мыши идутъ съ сѣвера, а на сѣверѣ за горами зловѣщая кровавая заря. Музыка свиста сливается въ неясный отдаленный скорбный плачь.

19 июля

Сегодня весь день дождь и туманъ. Въ душѣ чувство отдаленности; далеко Москва. Далекі люди, съ которыми связанъ. Тутъ все чужое. Завтра Ильинъ день. У насъ должно быть теперь тепло, хорошая погода, а тутъ сентябрь.

Мою комнату вымыли, передъ образами горитъ лампадка.

Чувствуется, что завтра большой праздникъ.

Одно изъ преимуществъ здѣшняго края: почти нѣтъ комнатныхъ мухъ, а если и есть, то смиренныя и деликатныя, въ лицо не лѣзутъ, по столу не ползаютъ, а все время летаютъ подъ потолкомъ въ срединѣ комнаты. Я по утрамъ, лежа въ постели, гляжу на нихъ и думаю: „Чего онѣ летаютъ? Должно быть, грѣются послѣ ночного холода“.

Зато комары въ теплый день—поистинѣ бичъ Божій. Я спасаюсь отъ нихъ „невидимой броней“, духами отъ Келлера или креолиномъ. Ничего, дѣйствуетъ. Мошекъ тутъ тоже несмѣтное количество.

Неуютный край.

Вышелъ вечеромъ погулять, дальніе берега въ туманѣ, мороситъ дождь, надъ моремъ кричатъ чайки, плаваетъ бѣ-

*) Мыши шли лѣтомъ 1903 г., а въ январѣ 1904 г. началась русско-японская война.

луха *), охотясь за семгой; мокрая изба, мокрая лодка, мокрые люди...

Ударяють ко всенощной.

Вернулся домой. Пью чай.

Тишина. Стучить равномерно маятник. За обоями скребуть мыши. Мальчишки за окномъ играютъ въ „попа“ — спшибають чурку палками. Въ окно глядятъ сѣверныя сумерки, на горизонтѣ тучи, — завтра будетъ дождь.

20 июля

11 часовъ вечера. Блѣдный свѣтъ. Замѣтно, какъ стало темнѣе въ это время. У моего тихаго сосѣда гости. Кто-то очень бойко играетъ на гармоніи. Изъ сосѣдней комнаты пахнетъ сапогами и водкой. Гости чуть-чуть „клянули“... Кстати, тутъ не говорятъ, какъ у насъ, змѣя ужалила, а змѣя клянула. Гора называется здѣсь „варака“, фуфайка теплая — „мурманка“.

На варкѣ въ Кандалакшѣ стоятъ два старыхъ огромныхъ креста, въ воскресенье около нихъ всегда двое-трое сидятъ и смотрятъ на море, это очень поэтично...

А въ самомъ дѣлѣ, что тянетъ человѣка пойти повыше, посмотрѣть подальше?..

Почтовый чиновникъ Порочкинъ каждый день ходитъ къ морю. Его тоже тянетъ къ простору. Передъ почтовой конторой быстрая рѣка Нива, а за ней высокая гора, поросшая лѣсомъ, мѣсто закрытое.

22 июля

Раннее утро, солнечный день. Свѣжо. Окна запотѣли. Парохода еще нѣтъ. Сергѣй Давыдычъ объявилъ, что Катерина сейчасъ „наставитъ самоваръ“. На улицѣ пусто. Изъ трубъ идетъ дымъ. Парохода долго нѣтъ, иду на „вараку“ къ крестамъ, гляжу въ бинокль на пустынное сѣрое море.

У крестовъ стоитъ старуха.

*) Сѣверный дельфинъ.

— Что, батюшка, отсюда въ твою глядѣлку Ковды не видно? (До Ковды версть 60).

— Нѣтъ, такъ далеко не видать.

— А я вотъ стара, 74-й пошелъ, а агличанина помню, какъ сюда приходилъ, Кандалакшу сжегъ. Первый разъ пришелъ, ходилъ тутъ, на гору лазилъ; мы ничего, добро, которо было, на острова вывезли, скоть тоже. Ну, а потомъ отъ царя приказъ вышелъ, чтобы не допускать. На другой годъ лѣтомъ опять пришелъ. Я ужъ замужемъ была, парня принесла, встали мы это рано утромъ, смотримъ, а „онъ“ опять идетъ „большой салмой *). Видишь островъ яловый съ переймой? Около сталъ. Перво-на-перво бѣлый флагъ выкинулъ. Наши тутъ изъ пицалей, изъ ружей палить зачали. Тогда, значить, красный флагъ выкинулъ, изъ пушекъ запалилъ. Сперва на той сторонѣ домъ Павкова зажегъ, церковь на наволокъ пушками не могъ зажечи, отъ руки зажегъ, потомъ огонь назадъ перебросило и пошло. Домовъ пять отъ Кандалакши осталось.

— Что же, страшно было?

— Какъ не страшно! Перемѣненіе свѣта сдѣлалось, простились другъ съ другомъ, думали всѣхъ убѣтъ... А наши съ ружьями здѣсь, на варакъ, за камнями засѣли, въ его лодки стрѣляютъ, вотъ изъ-за этихъ камней. Какъ онъ въ нихъ изъ пушки пальнеть! Только никого не убилъ... Потомъ музыку заигралъ и прочь пошелъ, опять большой салмой. Съ той поры мы и обѣднѣли.— Лодьи ловилъ, шкуны. Вотъ Павкова со шкуны въ одной рубашкѣ выпустилъ, а шкуну сжегъ. Послѣ правительство Павкову деньги выдало. А теперь плохо жить стало, не работно, мало денегъ достаютъ. Въ старину тутъ хорошо жили; дома всѣ съ подызбицами были, а теперь не даютъ жердины вырубить. За все пошлину берутъ. Сельди не попадаютъ. Бывало, въ старину 70—80 человекъ по Мурманамъ ходили, а теперь промыслы пропали. Вотъ и нонѣ сельдей егорьевскихъ не попало, если

*) Салма—проливъ.

осенние не попадутъ—бѣда!.. Вотъ кое-какъ заводами кормимся, бревенщиной. Господь урожаю не даетъ. Пропадаемъ голодомъ, живемъ-позоримся. Все вотъ позябло. Рѣпа ноябрь плохая, сѣмя позябло. Съ весны знобы *) были... Издалека ходите?

— Изъ Москвы.

— Ну прощайте, у меня дома ребенокъ плачетъ.

На горизонтѣ показался длинный хвостъ дыма.

Пришелъ пароходъ. Съ берега слышно, какъ гремитъ якорная цѣпь. Къ пароходу спѣшатъ карбаса. Первая лодка съ парохода уже у берега.

✓ Приѣхалъ урядникъ, съ озабоченнымъ видомъ бѣжитъ по улицѣ.

— Господинъ!—обращается онъ дѣловито ко мнѣ, — не видали ли вы тутъ въ Кандалакшѣ англичанина, туриста Смита?

— Нѣтъ, не видѣлъ!

— Господинъ, а что такое „туристъ“?—спрашиваетъ онъ меня осторожнымъ тономъ.

— Туристъ? Это путешественникъ.

— Что же это, занятіе что ли какое?

— Да, въ родѣ занятія...

У урядника, видимо, затрудненіе съ иностранными словами.

— Покорно благодарю! А Смитъ это—фамилія?

— Да, фамилія.

— Ребята,—слышенъ сзади меня по улицѣ голосъ урядника,—не видали ли вы тутъ англичанина, господина „Туриста“, а занятіе его „Смитъ“?

Пароходъ идетъ Терскимъ берегомъ Бѣлаго моря. Горы стали ниже. Кандалакши давно не видно. Рядомъ со мной на палубѣ стоитъ урядникъ.

— Вотъ господинъ,—говоритъ онъ,—сколько хлопотъ съ этимъ туристомъ, чтобъ его! Просто бѣда! Надо мнѣ его найти обязательно.

*) Знобы—морозы.

— Зачѣмъ?

— Кто-то обидѣлъ его въ здѣшнихъ мѣстахъ, онъ и написалъ жалобу губернатору; вотъ меня и послали разслѣдовать дѣло, кто и какъ его обидѣлъ. Сказывали мнѣ въ Кандалакшѣ, что ловилъ этотъ англичанинъ по озерамъ рыбу. Панталоны у него кожанья, непромокаемыя, по самое горло влѣзетъ въ воду, какъ ему способнѣе, по самую шею, ну и удить. Палатка у него тюлевая. Это отъ комаровъ,—одолѣваютъ они тутъ, проклятые!..—Ребята,—обращается онъ къ рабочимъ.—Вы съ Имандры? Не выдали ли тамъ на озерѣ господина англичанина по фамилїи Туристъ, а занятіе его Смитъ, то-есть, стало быть, по-ихнему путешественникъ что ли? Палатка у него тюлевая, а брюки кожанья по самую шею. И въ этихъ самыхъ брюкахъ онъ постоянно рыбу ловить?..

II

*Гороховецъ *) Владимірской губ.*

Городъ прошлаго, городъ древнихъ церквей, упраздненныхъ монастырей, старыхъ домовъ со сводами, съ маленькими рѣшетчатыми окнами, съ тяжелыми дверями, окованными желѣзомъ, и подземными ходами.

Тѣни старой жизни придаютъ Гороховцу поэзію. На фонѣ остатковъ прошлаго теперь идетъ не жизнь, а сонъ жизни... и кажется, что живутъ „такъ...“ „пока...“, а потомъ начнется въ жизни новое и интересное.

Постоянный дворъ въ Гороховцѣ. Воскресное утро. Иду въ кухню умываться. Хозяйка готовитъ начинку къ праздничному пирогу. Кухарка раздуваетъ самоваръ. Подъ окнами

*) Упоминается въ лѣтописи подъ 1239 г., во время второго нашествія татаръ. Въ 1787 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Владимірской губ.